

THE WORLD'S BEST CLASSICAL MUSIC REVIEWS

Est 1923 · APRIL 2012

GRAMOPHONE

gramophone.co.uk

NEW MUSIC ISSUE

Eric Whitacre
From YouTube to chapel:
the composer's compelling sound world

John Adams
What being alive in
modern America sounds like

Harrison Birtwistle
Why the modern radical is
entranced by John Dowland

*'I've approached the
world of new music
as an outsider'*
Eric Whitacre

+

THE MONTH'S NEW RELEASES

- REVIEWED BY OUR EXPERT CRITICS
- HEAR THE BEST ONLINE

**BRAHMS'S GLORIOUS
YET TROUBLED THIRD**
Which recording of his most
personal symphony to own?

**NEW MUSIC FOR THE
LONDON OLYMPICS**
Composer Sally Beamish
unites harmony and heroism

**DMITRI HVOROSTOVSKY
SINGS RACHMANINOV**
Joining the Russian baritone
as he records in Moscow

SESSION REPORT *Hvorostovsky sings Rachmaninov*

Work *Rachmaninov Romances*

Artists *Dmitri Hvorostovsky (baritone), Ivari Ilja (piano)*

Venue *Great Hall, Moscow State Conservatory*

Engineers *Dmitrij Kovyshenko, Aleksej Meshchanov* Producer *Vladimir Kopcov*

Mixing and Mastering *Ruslana Oreshnikova* Date *July 13-24, 2011* Words *Geoffrey Norris*

Guests are wafting through the corridors of the Moscow Conservatory – or, at any rate, there are distant spectral rattlings. It's a warm July evening. The students are on vacation but the craftsmen refurbishing the building in time for the start of the autumn term and the new concert season are definitely not. The Conservatory's Great Hall, redolent not only of its rich musical legacy but also of freshly applied paint, seems to be empty, save for Dmitri Hvorostovsky and his pianist Ivari Ilja, who are on stage ready to record a sequence of Rachmaninov songs. All is quiet – until the banging starts.

Hvorostovsky has booked the hall for close on a fortnight, because he wants to set down not only the Rachmaninov songs for his new Ondine CD but also some others by Rachmaninov and by different composers for future projects. He's going to need this long stretch of Moscow evenings if harmony is to be preserved between the needs of music and the deadlines of builders. But all problems are there to be overcome and the snags of occasional noise are vastly outweighed by the Great Hall's acoustical advantages and historical atmosphere.

The statue of Tchaikovsky outside in the courtyard is a potent reminder of one great composer who passed through the Conservatory's portals but there were many, many more, including Rachmaninov himself, who graduated from Moscow in piano in 1891 and in composition a year later. The Conservatory's smaller

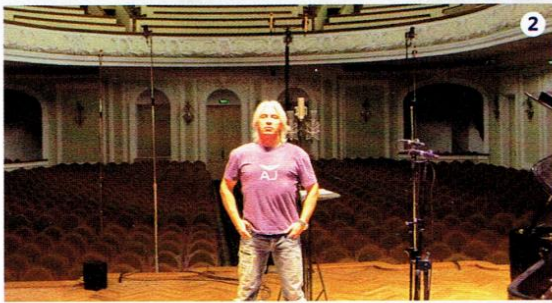
'The benevolent spirits flying around in this Great Hall make an emotional impact'

– Dmitri Hvorostovsky

concert hall is named after him but the sound quality of the Great Hall is the one to choose for a disc.

Ruslana Oreshnikova, who is responsible for the mixing and mastering of Hvorostovsky's new CD, has long experience of working on recordings in the Conservatory and describes the acoustics as 'unique and on a level of the best concert halls in the world'. It's certainly worth waiting for that last nail to be hammered in and for the paint buckets to be put away for the night in order to benefit from the hall's sonic warmth and immediacy.

Hvorostovsky, like everyone else who comes into this wonderful, evocative auditorium, senses the weight of its history. He speaks of the benevolent spirits flying around, spirits who help him and make an 'emotional impact'. He also has in mind the example of the great Armenian-born baritone Pavel Lisitsian (1911-2004), 'probably one

1 Dmitri Hvorostovsky and the team enjoy a casual moment waiting for the renovators at the Moscow Conservatory to finish work

2 Hvorostovsky alone in the magnificent Great Hall
3 Two's company: Hvorostovsky with pianist Ivari Ilja

of the most beautiful voices of the 20th century'. Hvorostovsky explains: 'As a little boy I listened to him. Traditionally, baritones like to sing Rachmaninov songs, and Lisitsian sang many of the well-known songs, responding to the beauty of Rachmaninov and the "eastern" style that imbues some of his melodies.'

Another of Hvorostovsky's role models is Irina Arkhipova, the illustrious Russian mezzo-soprano who died two years ago. It was she who 'ordered' Hvorostovsky to enter the 1989 Cardiff Singer of the World competition, which he won, beating Bryn Terfel into second place. 'Arkhipova was my guide for years and years of my career,' says Hvorostovsky. 'She was a fantastic recitalist. I always admired her.'

With Lisitsian, Arkhipova, Chaliapin and other Moscow luminaries of the past in his head, Hvorostovsky returns to the platform. Ruslana Oreshnikova explains that the microphones and levels have to be set up separately for each song, to suit the individual wishes of the performers and also to accommodate diverse questions of balance. As she points out, the rapturous 'Spring Waters', Op 14 No 11, with its prominent piano part, requires a different approach from that of the more subdued 'She is as beautiful as noon', Op 14 No 9.

There is much tweaking to be done with the Studer Vista 9 console and with the Sennheiser, Neumann, Brauner and DPA microphones. This is a complex process but it is one to which Hvorostovsky will return this year in further Moscow sessions. He speaks of looking back on his career, so that some of the Rachmaninov songs are ones he has recorded before, now reflecting 'changes of interpretation, conception and voice'. But, while also revisiting Glinka and Mussorgsky, he is at the same time looking forwards, having recently taken up some lesser-known songs by Taneyev. A busy summer ahead – with or without the builders. **G**

► To read Gramophone's review, turn to page 72

2012 Апрель

GRAMOPHONE

РЕПОРТАЖ О СЕССИИ

Хворостовский поёт Рахманинова

Призраки бродят по коридорам Московской консерватории - или, во всяком случае, слышится отдалённый неясный шум. Тёплый июльский вечер. Студенты на каникулах, но рабочие, ремонтирующие здание к началу осеннего семестра и нового концертного сезона, определенно нет. Большой зал консерватории, напоминающий не только о богатом музыкальном наследии, но и о свежей краске, кажется пустым, если не считать находящихся на сцене Дмитрия Хворостовского и его пианиста Ивари Илья, готовых к записи ряда романсов Рахманинова. Всё тихо - пока не начнётся стук.

Хворостовский арендовал зал почти на две недели, чтобы записать не только свой новый компакт-диск романсов Рахманинова с фирмой Ondine, но и некоторые другие произведения Рахманинова, а также других композиторов для будущих проектов. Ему нужны эти долгие московские вечера, чтобы согласовать потребности музыки и сроки строительства. Но все проблемы должны быть преодолены, и проблемы случайного шума значительно перевешиваются акустическими преимуществами Большого зала и исторической атмосферой.

Памятник Чайковскому во дворе - мощное напоминание об одном великом композиторе, связанном с консерваторией, но было много, много других, включая самого Рахманинова, выпускника Московской консерватории по классу фортепиано в 1891 году и по композиции годом позже. Малый концертный зал консерватории назван в его честь, но качество звука Большого зала - это именно то, что нужно для записи диска.

Руслана Орешникова, ответственная за сведение и мастеринг нового диска Хворостовского, имеющая многолетний опыт работы над записями в этом зале консерватории, описывает акустику как "уникальную и на уровне лучших концертных залов мира". Конечно, нужно подождать, пока забьют последний гвоздь и уберут вёдра с краской на ночь, чтобы воспользоваться душевной теплотой и свободой зала.

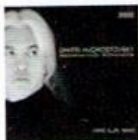
Хворостовский, как и все, кто приходит в этот прекрасный навевающий воспоминания зал, чувствует тяжесть его истории. Он говорит о доброжелательных духах, летающих вокруг, которые помогают ему и оказывают "эмоциональное воздействие". Перед ним пример великого баритона армянского происхождения Павла Лисициана (1911-2004), "вероятно, одного из самых красивых голосов 20-го века". Хворостовский объясняет: "В детстве я слушал его. Традиционно, как для того, чтобы исполнять романсы Рахманинова. Лисициан спел многие известные романсы, откликаясь на красоту Рахманинова и "восточный" стиль, которым проникнуты некоторые его мелодии.

Ещё один пример для подражания Хворостовского – Ирина Архипова, прославленная русская меццо-сопрано, скончавшаяся два года назад. Именно она "приказала" Хворостовскому участвовать в конкурсе "Кардиффский певец мира" 1989 года, который он выиграл, опередив Брина Терфеля. "Архипова была моим ориентиром на протяжении многих лет моей карьеры", - говорит Хворостовский, - "Она была фантастической солисткой. Я всегда восхищался ею".

С мыслями о Лисициане, Архиповой, Шаляпине и других московских корифеях прошлого Хворостовский возвращается на сцену. Руслана Орешникова объясняет, что микрофоны и уровни должны быть настроены отдельно для каждого романса в соответствии с индивидуальными пожеланиями исполнителей и учётом различных вопросов баланса. Она подчёркивает, что восторженные "Весенние воды", Op. 14 No 11 с их ярким фортепианным аккомпанементом требует иного подхода, чем более сдержанная "Она как полдень хороша", Op. 14 No 9.

Необходимо многое настроить с помощью консоли Studer Vista 9 и микрофонов Sennheiser, Neumann, Brauner и DPA. Это сложный процесс, но именно к нему Хворостовский вернётся в этом году на следующих московских сессиях звукозаписи. Он говорит, что, возвращаясь к некоторым ранее записанным романсам Рахманинова, теперь показывает "изменения интерпретации, концепции и голоса". Но, переосмысливая Глинку и Мусоргского, он в то же время смотрит вперёд, взяв недавно несколько менее известных романсов Танеева. Впереди напряжённое лето - со строителями или без них.

Перевод с английского Н.Тимофеева

Echoes of Hvorostovsky past for the baritone's Ondine debut

Though Dmitri Hvorostovsky revisits repertoire he recorded in his 1991 'Russian Romances' disc in the heady months following his sensational win at the Cardiff Singer of the World competition (Philips, 10/91 – nla), he has little to fear from comparisons with his more svelte-voiced younger self. Early in his career, he made his name more in recitals than in opera. Now a seasoned Verdi baritone some 20 years later, Hvorostovsky opens up these Rachmaninov songs with operatic *fortissimos* that add stature to the music as well as with *pianissimos* that can convey depths of quiet terror, both of which were quite beyond the grasp of his younger self. Vocal precision is sometimes compromised. Some of the high, softer notes fail to glow. But his long-admired breath control is, if anything, more impressive. Spot-check comparisons between the 1991 Philips disc and this new recital are telling: the all-in-one-breath phrase that ends 'In the silence of the mysterious night' is now even longer, more firm and infused with meaning beyond words. Also, when the younger Hvorostovsky went for vocal gravity – often demanded by the feverish texts the composer chose to set – he sometimes drove his voice so hard that the pitch tended to spread. That doesn't happen now and doesn't need to: his baritone has a far richer palette of vocal resources to call upon.

The songs are arranged in roughly chronological order, showing the composer sometimes trafficking in the sentiment of parlour music and at other times digging down into his young soul for a more personal mode of expression. But what sets certain Rachmaninov songs above the others is this:

because the composer's lyrical gifts didn't translate into the more easy-going melodiousness of Tchaikovsky songs, these miniatures are best judged by their pianistic element. When you subtract the vocal line, do you still have a viable piece of music? Accompanist Ivari Ilja makes that distinction particularly obvious through the quality of his playing, which is appropriately romantic in sweep but Mozartian in detail.

In the larger landscape of Rachmaninov recordings, Sergei Leiferkus (Chandos, 4/96) has a more characteristic Russian bass sound but, even alternating songs with Joan Rodgers, doesn't wear well over the course of a recital disc. Elisabeth Soderström's complete song set (Decca, 5/94) shows a beloved singer whose rhetorical resources went way beyond the usual grasp of a mid-weight voice. However, in songs such as 'Christ is risen!', one of Rachmaninov's best, a strong male voice really is preferable to convey the the big-boned vocal lines and the weight of the song's utterance. Hvorostovsky brings an almost evangelistic intensity to this one. And why shouldn't he, considering how the song describes Christ's sadness at the current state of the world? This is as fine as any currently available single-disc collection of Rachmaninov songs. **David Patrick Stearns**

Отзвуки прошлого Хворостовского для дебюта баритона в Ondine

Дэвид Патрик Стернс

Хотя Дмитрий возвращается к репертуару, который он записал на своём диске "Русские романсы" 1991 года в пьянящие месяцы после своей сенсационной победы на конкурсе "Кардиффский певец мира" (Philips, 10/91 - nla), ему нечего бояться сравнений с его более утончённым молодым голосом. В начале своей карьеры он сделал себе имя больше сольными концертами, чем оперой. Теперь, спустя 20 лет, будучи опытным вердиевским баритоном, Хворостовский открывает эти романсы Рахманинова драматически, что добавляет вес музыке, так же как *pianissimo*, передающим глубину смиренного страха, оба из этих приёмов были совершенно недоступны ему в молодости. Иногда он поступает с вокальной точностью. Не всегда удаются некоторые высокие, более нежные ноты. Но его всегда восхищавший контроль дыхания сейчас впечатляет ещё больше. Выборочные сравнения между диском Philips 1991 года и этой новой записью говорят сами за себя: вся фраза на одном дыхании, которой заканчивается "В молчании ночи тайной", теперь ещё длиннее, твёрже и наполнена смыслом, который невозможно выразить словами. Кроме того, когда молодой Хворостовский шёл на утяжеление голоса – часто требуемое взволнованными текстами, которые выбирал композитор, - он напрягал голос настолько сильно, что звук размазывался. Сейчас этого не происходит, и в этом нет необходимости: его баритон обладает гораздо более богатой палитрой вокальных ресурсов, к которым можно обратиться.

Романсы расположены примерно в хронологическом порядке, показывая, что композитор иногда поддается настроением салонной музыки, а иногда углубляется в свою молодую душу в поисках более личного способа выражения. Но что отличает некоторые романсы Рахманинова от других, так это то, что, поскольку лирический дар композитора не воплотился в более лёгкую мелодичность романсов Чайковского, об этих миниатюрах лучше всего судить по их фортепианной составляющей. Если вычтеть вокальную партию, останется ли музыкальное произведение жизнеспособным? Аккомпаниатор Ивари Илья делает это разграничение особенно очевидным благодаря качеству своей игры, романтической по размаху и моцартовской по деталям.

В более широком массиве записей Рахманинова Сергей Лейферкус (Chandos, 4/96) имеет более характерный русский басовый звук, но, даже чередуя исполнение с Джоан Роджерс, перестаёт быть свежим в восприятии до конца диска. Полное собрание песен Элизабет Сёдерстрём (Десса, 5/94) показывает любимую певицу, чьи вокальные ресурсы выходили далеко за рамки обычного понимания голоса среднего веса. Однако в одном из лучших произведений Рахманинова "Христос воскрес!"

сильный мужской голос действительно предпочтительнее, чтобы передать широкие вокальные линии и смысл произведения. Хворостовский привносит в это почти евангельскую глубину. А почему бы и нет, учитывая, как в песне говорится о печали Христа по поводу нынешнего состояния мира? Это так же прекрасно, как и любое имеющееся в настоящее время собрание романсов Рахманинова на одном диске.

Перевод с английского Натальи Тимофеевой